

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3019](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3019)**Р. К. Тангалычева**

**КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ
В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ.
РЕЦ. НА КН.: GOODWIN M. BAD EDUCATION. WHY OUR
UNIVERSITIES ARE BROKEN AND HOW WE CAN FIX THEM?
LONDON: TRANSWORLD PUBLISHES, 2025**

Правильная ссылка на статью:

Тангалычева Р.К. Консервативный поворот в высшем образовании США и Великобритании. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 288—302. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3019>. Рец. на кн.: Goodwin M. Bad Education. Why our universities are broken and how we can fix them? London: Transworld Publishes, 2025.

For citation:

Tangalycheva R. K. (2025) The Conservative Turn in Higher Education in the US and UK. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 288–302. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3019>. Book Review: Goodwin M. (2025) Bad Education. Why Our Universities Are Broken and How We Can Fix Them. London: Transworld Publishers. (In Russ.)

Получено: 15.05.2025. Принято к публикации: 30.09.2025.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ. РЕЦ. НА КН.: GOODWIN M. BAD EDUCATION. WHY OUR UNIVERSITIES ARE BROKEN AND HOW WE CAN FIX THEM? LONDON: TRANSWORLD PUBLISHES, 2025

ТАНГАЛЫЧЕВА Румия Кямильевна — доктор культурологии, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: rimma98@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-0692-383X>

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на книгу британского ученого Мэтта Гудвина «Плохое образование. Почему наши университеты развалены и как их можно исправить?», вышедшую в свет в Великобритании в 2025 г. Издание вызвало полемику в западных университетах и носит неоднозначный характер. Тем не менее оно позволяет читателю понять причины кризиса и даже раскола в ведущих университетах Великобритании и США, а также консервативный поворот в системе высшего образования, который стал реакцией на сформировавшийся в последние десятилетия в западной университетской среде радикальный левый активизм, многочисленные проявления которого описывает Мэтт Гудвин. Книга содержит обширные статистические данные, свидетельствующие о падении престижа университетского образования в англосаксонских странах, знакомит читателя с так называемой «новой университетской идеологией», поддерживаемой на всех уровнях (учеными и преподавателями, студентами и администрациями). Автор дает возможные варианты выхода из сложившейся ситуации и предлагает свой Манифест изменения устройства университетов.

THE CONSERVATIVE TURN IN HIGHER EDUCATION IN THE US AND UK. BOOK REVIEW: GOODWIN M. (2025) BAD EDUCATION. WHY OUR UNIVERSITIES ARE BROKEN AND HOW WE CAN FIX THEM. LONDON: TRANSWORLD PUBLISHERS

Rumiya K. TANGALYCHEVA¹ — Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor at the Department for Sociology of Culture and Communication
E-MAIL: rimma98@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-0692-383X>

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper reviews the book by Matt Goodwin "Bad Education. Why Our Universities Are Broken and How We Can Fix Them" published in the UK in 2025. This book has sparked controversy in Western universities and was perceived controversially. Nevertheless, it allows the reader to understand the causes of the crisis and even schism at leading universities of Great Britain and the USA, as well as the conservative turn in higher education. The latter manifested as a reaction to the radical leftist activism that has emerged in Western universities in recent decades, the numerous examples of which Matt Goodwin describes. The book presents extensive statistical data indicating the declining prestige of university education in Anglo-Saxon countries and introduces the reader to the so-called "new university ideology" supported at all levels (by academics and faculty, students, and administrators). The author offers possible solutions to the current situation and proposes his Manifesto for changing universities.

Ключевые слова: плохое образование, кризис университета, ученые, студенты, административная система, консервативный поворот, высшее образование

Keywords: bad education, university crisis, scholars, students, administrative system, solutions, conservative turn

Мэтт Гудвин — британский ученый, преподававший в университетах Манчестера, Ноттингема и Кента. Он сотрудничал со многими аналитическими центрами, включая Королевский институт международных отношений Великобритании, был награжден премией Ричарда Роуза, которая вручается молодым ученым за вклад в общественные науки. Он является соавтором и автором бестселлеров Sunday Times¹ «Национальный популизм: восстание против либеральной демократии» [Eatwell, Goodwin, 2018] и «Ценности, голос и добродетель: новая британская политика» [Goodwin, 2023]. Он соавтор книги «Восстание справа» [Ford, Goodwin, 2014], которая была номинирована на премию Дж. Оруэлла. В 2025 г. вышла в свет его новая книга «Плохое образование. Почему наши университеты развалены и как их можно исправить?», обзор которой предлагается вниманию читателей.

Книга состоит из пяти частей, в первой автор описывает проблемную ситуацию и приводит статистические данные, свидетельствующие об ухудшении состояния западных университетов со специальным фокусом на элитные университеты США и Великобритании. Во второй части он рассматривает положение дел с позиций ученых и преподавателей, в третьей — с точки зрения студентов, в четвертой — системы администрирования университетов в целом. В заключительной части исследования Мэтт Гудвин предлагает свое видение решения проблемы и публикует Манифест по улучшению положения в университетской среде. Для убедительности своих суждений он ссылается на взгляды и результаты исследований известных ученых, среди которых Фрэнсис Фукуяма, Яша Мунк, Джонатан Хайдт, Джон Маквортер, Эрик Кауфманн и многие другие.

Автор начинает свою книгу с описания кризисной ситуации в университетах Великобритании и США. Он пишет, что, когда они впервые появились почти тысячу лет назад в таких местах, как Болонья, Париж, Оксфорд, Кембридж и Сент-Эндрюс в Шотландии, многие были открыто религиозными учреждениями, которыми руководили верующие люди, строго следовавшие жестким ортодоксальным идеям того времени. Однако с конца XIX века университеты постепенно становились более светскими и профессиональными. К XX веку возник консенсус относительно того, что главной целью такого заведения стало не отстаивание религиозных догм, а поиск истины с помощью свободы совести, мысли, слова и публикационной активности. Вот почему даже сегодня элитные западные университеты, подобные Гарварду и Йелю, по-прежнему сохраняют слово «veritas» («истина») в своих девизах. Однако в наши дни, по мнению автора книги, можно констатировать, что британские и американ-

¹ «Сандей таймс» — британская воскресная газета, известная качественными журналистскими расследованиями, освещением политики, искусства, а также сильным фокусом на бизнес-читателей из образованного среднего и высшего класса. Газета связана с консервативной медиагруппой «News UK» (владелец Руперт Мердок) и склоняется к правому центру.

ские университеты и вся система высшего образования находятся в кризисе, дают плохое образование.

В книге приводится целый ряд статистических данных, свидетельствующих о падении престижа высшего образования в англосаксонских странах. Так, в США в 2024 г. исследовательская компания Gallup² обнаружила, что с 2015 г. доля американцев, которые «очень доверяют» университетам, резко упала с 57 % до 36 %. (падение особенно заметно среди республиканцев); при этом доля выбравших вариант «мало или совсем нет доверия» к университетам, увеличилась с 11 % до 50 % [Goodwin, 2025: 15]. Годом ранее The Wall Street Journal³ опубликовала данные, согласно которым большинство американцев негативно относятся к университетским дипломам, причем этот скептицизм сильнее всего проявляется среди тех, у кого есть дипломы. В то же время в Великобритании представители элитных слоев общества, окончившие Оксфорд, Кембридж или один из других престижных университетов «Russel Group», регулярно используют свои влиятельные позиции в политике, культуре и СМИ, чтобы превозносить чудеса университетского образования. Однако подавляющее большинство обычных жителей Соединенного Королевства не разделяют этого мнения. В 2024 г. опрос общественного мнения YOUGov⁴ показал, что большая часть британцев (около 52 %) считают текущий «уровень образования и заработной платы выпускников недостаточным, чтобы оправдать расходы на учебу», а более одной трети (38 %) вообще склонны указывать на слишком большое количество студентов в университетах [ibid.: 16].

В США в 2023 г. Pew Reserch Center⁵ отметил, что зачисление в американские колледжи постоянно снижалось в течение последнего десятилетия, а общее число поступивших в возрасте от 18 до 24 лет сократилось на 1,2 млн по сравнению с пиковым значением в 2011 г. В Великобритании в 2024 г. число молодых людей, подающих заявления в университет, также сокращалось второй год подряд, в то время как доля студентов, поступивших и считающих, что университет — это «хорошее соотношение цены и качества», резко снизилась с 50 % в 2013 г. до 39 % в 2024 г. Более того, каждый четвертый студент начал думать об уходе из университета, как только прибыл в кампус, настолько он был разочарован этим опытом [ibid.: 19].

Мэтт Гудвин пытается разобраться в причинах наступившего кризиса. Он приводит два противоположных мнения, отражающих чаяния университетов и рядовых жителей Великобритании. С одной стороны, после подписания закона о «Брекзите» в 2020 г. в британских университетах возникли ощутимые финансовые трудности, связанные с неспособностью обычных семей платить за обучение своих детей и успевать за инфляцией. Ситуация в стране ухудшилась в результате сильных последствий пандемии COVID-19, резкого скачка стоимости жизни и осложнения отношений с иностранными державами, прежде всего с Китаем, который

² Американский институт общественного мнения, основанный профессором-социологом Джорджем Гэллапом.

³ Ежедневная американская деловая газета на английском языке.

⁴ Международная группа, занимающаяся онлайн-исследованиями и аналитикой данных.

⁵ Исследовательский центр, находится в Вашингтоне. Предоставляет информацию о социальных проблемах, общественном мнении и демографических тенденциях, формирующихся в США и мире.

долгое время был важнейшим источником иностранных студентов и, соответственно, финансирования университетов.

С другой стороны, рядовые британцы полагают, что этот кризис коренится в массовом расширении университетов, которое началось в 1990-х годах и подтолкнуло молодежь из семей рабочего класса к получению высшего образования. Сегодня нетрудно услышать массовое мнение британцев, что это расширение зашло слишком далеко и Великобритания в избыточно финансирует университеты, подрывая и обесценивая высшее образование в целом. Сейчас более одного из трех выпускников британских университетов трудоустроены на позициях, не требующих диплома. И это особенно заметно за пределами Лондона. В столице 38 % выпускников работают на должностях, не требующих диплома. Показатель увеличивается до 42 % за пределами Лондона и почти до 60 % — в местах, расположенных дальше, например в Линкольншире [ibid.: 21]. На эту проблему ранее обратил внимание Р. Коллинс в своей работе «Средний класс без работы», когда писал об инфляции университетских дипломов. По его мнению, система образования в развитых странах функционирует как скрытое кейнсианство. В условиях экономического спада и сокращения доходов государства возникают протестные движения налогоплательщиков за сокращение расходов на образование [Коллинс, 2015: 87—88].

Ученые и преподаватели

Разбирая ситуацию с позиций ученых и преподавателей, Мэтт Гудвин пишет, что за последние 60 лет университеты на Западе радикально сместились влево. Они все больше превращаются в так называемые монокультуры — учреждения, где разрешено процветать только одному набору идей, убеждений, предположений и приоритетов. Крупные опросы, проведенные аналитическими центрами, такими как More In Common⁶, показывают, что только 10—15 % людей на Западе разделяют взгляды «радикальных прогрессистов», которые доминируют в кампусах и ратуют за иммиграцию, отдают приоритет защите меньшинств, а не защите свободы слова, верят, что самопровозглашенная «гендерная идентичность» человека должна вытеснить его биологический пол. Но в кампусе на фоне сильного левого уклона почти нет никакого сопротивления радикальным активистам, чувствующим себя свободно и навязывающим свою волю другим. Вот почему так часто ученые и преподаватели, придерживающиеся иных взглядов или бросающие вызов этой монокультуре, обнаруживают, что их выталкивают на обочину университетской жизни, побуждают молчать и не высказываться публично.

Например, в области социологии, где доминируют леволиберальные ценности, термин «белая привилегия», как пишет Гудвин, стал общепринятым для обозначения якобы незаслуженных преимуществ, которыми белые пользуются из-за цвета кожи и статуса большинства. Но, как отмечают некоторые ученые, это означает, что белые находятся в более выгодном положении по сравнению со всеми другими группами. Однако в США американцы азиатского происхождения находятся в более выгодном положении, чем белые, имея такие преимущества, как более

⁶ Международная аналитическая компания.

высокий средний доход, лучшие результаты в системе образования и меньшую вероятность стать жертвами преступных действий [Goodwin, 2025: 78].

Взгляды, доминирующие в кампусах, окутаны стремлением представителей академической среды к обретению социального статуса и уважения со стороны других членов университетского сообщества. Гудвин ссылается на Роба Хендерсона, выпускника Кембриджа, красноречиво описавшего, как современный образованный класс, особенно те, кто работают в самых престижных университетах, все чаще определяют себя с помощью термина «убеждения роскоши» («luxury beliefs») ⁷. «Убеждения роскоши» — это идеи и мнения, которые агрессивно продвигаются элитным классом, особенно университетским, поскольку они престижны и налагают высокие издержки на не принадлежащих к нему людей [Goodwin, 2025: 76]. Гудвин приводит целый ряд примеров такого рода убеждений, и главным среди них считает нападение на традиционные конструкции семьи и моногамии. Так, в престижных университетах Великобритании и США учится множество студентов из стабильных хорошо обеспеченных семей с двумя родителями, которым навязывается идея о том, что традиционные семьи «старомодны» и общество должно «развиваться» согласно альтернативным либеральным сценариям. Однако при этом подходе игнорируется, что люди из семей с одним родителем хуже учатся и более подвержены широкому спектру социальных и психических проблем, включая наркоманию и алкогольную зависимость, преступность и безработицу.

Еще одно «роскошное убеждение», процветающее в университетской среде, — «белые привилегии». И снова самые страстные сторонники этой идеи — белые выпускники колледжей. Однако они не понимают, что, когда начнут внедряться меры по борьбе с «привилегиями белых», пострадают не только выпускники Оксфорда, Гарварда или Йеля, но в первую очередь — бедные белые, которые и так находятся в не самой благоприятной экономической и социальной ситуации по сравнению с другими группами.

На наш взгляд, термин «luxury beliefs» схож с понятием клубной культуры интеллектуалов («faculty club culture»), проанализированной Питером Бергером в работе «Культурная динамика глобализации», опубликованной на русском языке еще в 2004 г. Рассматривая процессы глобализации западной интеллигенции, он писал, что клубная культура интеллектуалов представляет собой идеи и правила поведения, выработанные западными, главным образом американскими, интеллектуалами. К этим идеям относятся учение о правах человека, концепции феминизма, защиты окружающей среды и мультикультурализма, а также представления о политике и образе жизни, в которых воплощаются эти идеологические построения [Бергер, 2004: 11—12]. Распространяется «клубная культура интеллектуалов» такими учреждениями, как академические структуры, фонды, неправительственные организации. Бергер писал, что цена за вход в эту культуру очень высокая, и она влияет на личную жизнь своих членов: представителям этой культуры следует быть осмотрительными, они должны демонстрировать свои либеральные взгляды даже вне своей профессиональной деятельности. Гудвин, обращаясь к термину «роскошные убеждения», показывает, что эта культура (способ мышления) принимает

⁷ Цит. по: Haidt J. Why Antisemitism Sprouted So Quickly on Campus // After Babel. 2023. 21 December. URL: <https://www.afterbabel.com/p/antisemitism-on-campus> (дата обращения 08.12.2025).

в Великобритании и США все более радикальный характер и явно входит в конфликт с представлениями большинства жителей этих стран.

Студенты

Характеризуя позицию студентов, Гудвин опирается на мнение Грега Лукьяноффа и Джонатана Хайдта, изложенное в опубликованной в 2018 г. книге «The Coddling of the American Mind» («Потакание американскому мышлению»). Эти авторы стали первыми, кто объяснил, как и почему современные университеты отдают предпочтение «социальной справедливости» в ущерб традиционной цели поиска истины [цит. по: Goodwin, 2025: 105].

Авторы пишут о «чрезвычайной хрупкости психики современной молодежи и, следовательно, определяют цель деятельности университета как защиту студентов от психологического насилия (вреда)». Конечная цель заключается в том, чтобы превратить кампусы в «безопасное пространство», где молодые люди защищены от слов и идей, которые вызывают у них дискомфорт.

Но почему в наши дни мы говорим о гиперхрупкости и чувствительности молодежи? Дело в том, что дети, родившиеся после 1980 г. (миллениалы и зумеры), с большей вероятностью, чем старшие поколения, подвергались ограничениям со стороны родителей. Школы, в которых они учились, также стали больше внимания уделять устранению возможных опасностей в классе и на игровой площадке, чем в прошлом. Во многом это усилило убеждение молодых людей в том, что жизнь заключается в избегании, а не в управлении рисками и уязвимостями, и побудило их увидеть главную роль взрослых, школ и университетов в том, чтобы делать все возможное для их защиты от эмоционального и физического насилия [Haidt, Lukianoff, 2018].

Раньше общества были организованы вокруг культуры чести, в которой люди довольно бурно и эмоционально реагировали на любое предполагаемое оскорбление, агрессию или вызов. Позже общества превратились в культуру достоинства, где проявление самообладания стало более важным маркером поведения человека, что отражено в поговорке «палки и камни могут сломать мне кости, но слова никогда не ранят меня». Однако сегодня многие западные страны развиваются в сторону культуры жертвенности, где, как мы видим в элитных кампусах по всему Западу, студентов учат реагировать на любое словесное насилие, пусть даже ощущение насилия, обращаясь к администрации университетов с жалобами и таким образом противодействуя нанесенному оскорблению.

«Культура виктимности» отличается низкой терпимостью к неуважению. На фоне этой новой моральной культуры студенты полагают, что тех, кто причиняет им эмоциональный вред, например преподавателя или ученого, позволяющего себе честно высказать спорное суждение, следует заставить молчать или вообще устранить, чтобы защититься. Для этого надо сигнализировать о подобных актах «насилия» администрации университетов. Более того, в рамках культуры жертвенности, как считается, студенты обретают чувство самоуважения и чести, укрепляют свой социальный статус, нанося символическое осквернение противникам, например именуя их взгляды «расистскими». Согласно Фонду за права личности и самовыражение, который отслеживает ключевые тенденции в кампусах США, в период с 2000

по 2022 г. количество попыток наложить санкции на оппонентов резко возросло со всего лишь четырех случаев в 2000 г. до рекордных 145 в 2022 г., большинство из которых были инициированы студентами левых взглядов [Goodwin, 2025: 109]. В 2023 г. исследование Университета штата Северная Дакота, основанное на опросе 2250 студентов, показало, что 81 % студентов, называющих себя либералами, заявили, что сообщат властям о профессоре, если тот сделает замечание, которое студенты сочтут оскорбительным, по сравнению с более низким, но все еще тревожным показателем в 53 % студентов-консерваторов [ibid.: 112].

Все это становится возможным благодаря распространению в университетской среде новой идеологии под названием «привилегия белых» и «антирасизм». Элитные университеты Великобритании, включая Оксфорд и Кембридж, особенно склонны погружать студентов в концепции ключевых академических теорий, лежащих в основе новой идеологии, таких как постколониализм, критическая теория и гендерная идеология, обучая их дискурсу «привилегии белых», который поощряет дискриминировать белых или гетеросексуалов во имя защиты меньшинств.

Мэтт Гудвин пишет, что такие проявления стало невозможно игнорировать после 7 октября 2023 г., когда террористы ХАМАС совершили зверства в Израиле. В последующие недели и месяцы один крупный опрос за другим обнаруживал, что студенты университетов с наибольшей вероятностью высказывали резкое несогласие с Израилем, поддерживали ХАМАС и говорили, что террористические акты, совершенные меньшинствами (палестинцами) против угнетающего большинства (Израиля), могут быть «оправданы». В 2023 г. в Америке около 48 % всех зумеров, то есть возрастной группы до 25 лет, заявили, что они больше поддерживают ХАМАС, чем Израиль (эту точку зрения разделяли только 16 % американцев в целом по стране). В Великобритании зумеры также с наибольшей вероятностью говорили, что открыто поддерживают Палестину, и с наименьшей вероятностью считали ХАМАС террористической группировкой [ibid.: 116].

Согласно господствующим в элитных университетах представлениям, система образования является «структурно расистской» и предвзятой по отношению к меньшинствам, и поэтому, как следствие, университеты должны вкладывать значительные средства в попытки набрать больше студентов из меньшинств. По мнению автора книги, хотя это и достойно восхищения, реальность такова, что именно дети из белого рабочего класса, а не дети из меньшинств, регулярно остаются без внимания и игнорируются на всех уровнях системы образования. В настоящее время только 10,5 % белых британских детей поступают в самые престижные университеты, в то время как среди британских китайских студентов таких 41 %, британских азиатов — 16 %, чернокожих британских студентов — 11 % [ibid.: 118].

В последние годы среди специалистов правого толка стало модным утверждать, что Запад наконец-то дошел до «пика пробуждения», новая идеология достигла апогея и теперь будет постепенно исчезать из виду, поскольку люди становятся все более настороженными и истощенными культурой отмены, идеей политической корректности и культурными войнами. Но, по мнению автора рецензируемой книги, достаточно взглянуть на последние исследования того, что происходит в ведущих университетах среди студентов и молодых ученых, чтобы увидеть, насколько обманчив этот нарратив. Исследования показывают, что эта

система убеждений не только не достигла пика, но и все более распространяется среди поколения Z.

Система

Система включает в себя университетских проректоров, старших бюрократов и администраторов высших учебных заведений, аналитических центров, исследовательских советов, благотворительных организаций и лоббистских групп. Эти категории университетских сотрудников накапливают все больше власти, влияния и используют их для навязывания и закрепления нового доминирующего набора ценностей сверху вниз.

В период с 1976 по 2018 г. в США число штатных университетских администраторов и других «профессиональных» сотрудников резко возросло на 164% и 452% соответственно. Но в то же время число штатных преподавателей увеличилось всего на 92%, а число студентов — только на 78%. Другими словами, быстрый рост университетской бюрократии опередил рост академического и студенческого сообществ. Во многих ведущих университетах и колледжах США на одного студента приходится в три раза больше бюрократов, чем преподавателей и профессоров [ibid.: 115].

Автор рецензируемой книги, ссылаясь на работу «Падение факультета» Бенджамина Гинзберга, пишет, что вместо того чтобы сохранить преподавание, исследования и академическую свободу в основе университета, сегодняшние бюрократы часто видят эти вещи через призму позитивного корпоративного «бренда» университета. Именно поэтому университетская администрация часто призывает к молчанию ярких ораторов и ученых с оригинальными идеями, которые, по их мнению, не должны привлекать «негативное» или «проблемное» внимание СМИ к университету [цит. по: Goodwin, 2025: 152].

В последние годы университетская бюрократия превратилась в своего рода гиперполитическую и высокоактивную управленческую силу, закрепившую все описываемые процессы. В основе политизации университета лежит программа разнообразия, равенства и инклюзивности (Diversity, Equity and Inclusion, DEI). В США в 2024 г. Мичиганский университет, по данным автора книги, выплачивал более 30 млн долларов примерно 241 получателю DEI каждый год, чего достаточно для покрытия платы за обучение почти 2000 студентов [Goodwin, 2025, p. 158]. Отделы кадров образовательных учреждений при приеме сотрудников на работу стоят на страже таких идей и концепций, как «привилегия белых», «систематический расизм», «бессознательная предвзятость», «токсичная маскулинность» и т. д., хотя, по мнению Гудвина, они являются довольно спорными и часто не имеют достаточных доказательств.

В чем проблема с DEI, по мнению Мэтта Гудвина? Программа подрывает идею подлинного разнообразия, настаивая на том, что нет приемлемой альтернативы узкому набору ценностей и приоритетов, поддерживаемых новой идеологией и сопутствующими ей теориями «социальной справедливости», «критической расовой теории» и «интерсекциональности». Эта повестка не поощряет разнообразие, а, напротив, перестраивает университеты на базе крайне политизированного и спорного утверждения о том, что большинство угнетает меньшинства, люди

определяются только своей фиксированной групповой идентичностью и западные страны по своей сути являются расистскими.

Программа работает против подлинного включения, поощряя университеты исключать и маргинализировать ученых, студентов и спикеров, которые осмеливаются выступать против их новой идеологии в кампусе, и различными способами навязывать новые речевые ограничения и языковые коды, чтобы заставить замолчать нонконформистов. Даже самые пассивные люди, которые не придерживаются «правильных» убеждений, «правильной» политики и не принадлежат к «правильной» группе, часто исключаются или запугиваются.

Другой способ, с помощью которого система навязывает новую доминирующую идеологию сверху, — обучение «антирасизму» (или «разнообразию») в преподавании и исследованиях. Все чаще ученых и преподавателей подталкивают не просто заявлять, что они отвергают расизм и дискриминацию, но и принимать крайне агрессивный, разъединяющий и активистский бренд «антирасизма», вытекающий из критической расовой теории (КРТ). Сегодня система высшего образования и университетские профессора нередко продвигают таких леволиберальных ученых, как Ибрам Х. Кенди, чья книга «Как стать антирасистом» стала мейнстримом в кампусах по всему Западу. Кенди предполагает, что каждое действие, человек, учреждение и политика не могут быть нейтральными — они либо расистские, либо антирасистские. Люди, которые называют себя «нерасистами», в уме ставят себя в один ряд с работарговцами, сегрегаторами и расистами прошлого. Чтобы иметь моральную ценность и считаться социально приемлемыми, они должны переопределить себя как активных «антирасистов», постоянно работая над разрушением того, что критически настроенные расовые теоретики считают системами расизма и угнетения на Западе [Kendi, 2019]. Эти идеи становятся все более популярными в кампусах, их продвигают радикальные активисты-ученые и администраторы, игнорируя, например, тот факт, что уровень расовых предрассудков в Великобритании с 1980-х годов снижается, а не растет.

Еще один пример того, как система активно политизирует университет, — внедрение идеи «деколонизации». Постколониальная теория — это область исследований, ориентированная на активизм, в которой ученые выступают за систематическое уничтожение колониализма во всех его формах, рассматривают общества как определяемые дисбалансом сил между угнетенными и угнетающими группами и стремятся переписать историю, культуру и знания с точки зрения «угнетенных», или «колонизированных», меньшинств, даже если это противоречит объективным знаниям и эмпирическим данным. Они хотят «деколонизировать» народы и институты, чтобы уменьшить зависимость от белых ученых и писателей из бывших «колониальных» держав, продвигать голоса представителей меньшинств и бывших колонизированных регионов, независимо от качества их исследований, а также критиковать, проблематизировать и принижать «западные» знания.

Согласно этому подходу, западные университеты (и общества) являются институционально расистскими, соответственно, преподавание социальных дисциплин должно быть перестроено, по сути, вокруг явно антизападной повестки дня, не в последнюю очередь путем деколонизации списков чтения для студентов.

В 2020 г., на фоне протестов после смерти Джорджа Флойда и «Жизни темнокожих имеют значение» (Black Lives Matter), Британский аналитический центр политики высшего образования опубликовал отчет, призывающий к «деколонизации университетов». Это, как утверждалось, «жизненно важно для улучшения учебных программ курсов, педагогической практики, благополучия персонала и опыта студентов». Два года спустя, в 2022 г., исследовательский отчет показал, что 70% университетов в Великобритании в настоящее время проводят ту или иную форму деколонизации либо путем официальной политики администрации, либо путем возвышения отдельных ученых, выступающих за нее [цит. по: Goodwin, 2025: 186].

Ссылаясь на профессора Эрика Кауфманна, Гудвин пишет, что эти усилия по деколонизации университета отражают основную черту новой идеологии, которую можно обозначить как «декультурирующий натиск». Это мировоззрение направлено не только на то, чтобы бросить вызов, но и на то, чтобы критиковать и подрывать культуру и историческое наследие западных стран, чтобы навлечь стыд и вину на население внутри этих стран [цит. по: Goodwin, 2025: 191].

В последней части книги Мэтт Гудвин анализирует решения, связанные, по его мнению, с возможным выходом западных университетов из сложившегося кризиса. Их он публикует в виде Манифеста, состоящего из следующих пунктов:

— свободное и открытое расследование по всем вопросам, пока это не нарушает закон и не представляет собой реальной угрозы или преследования для человека;

— гарантия всем членам университетского сообщества максимально возможной свободы говорить, писать, слушать, бросать вызов и учиться;

— уважение и поддержка свободы всех сотрудников обсуждать любые проблемы открыто и без негативных последствий;

— противодействие ограждению людей от теорий, идей и мнений, которые они считают нежелательными, неприятными, вредными или оскорбительными;

— противодействие попыткам прекратить дебаты и обсуждения посредством призывов к вежливости, взаимному уважению или во имя избежания «эмоционального вреда»;

— устранение всех внутренних речевых кодексов и университетской политики, которые противоречат вышеуказанному обязательству по свободе слова и академической свободе;

— требование, чтобы все университеты регулярно проверялись на предмет нарушений академической свободы и свободы слова, с возможностью штрафовать учреждения, которые не соблюдают эти основные меры защиты для студентов и ученых;

— требование, чтобы университеты прилагали столько же усилий продвижению политического разнообразия в кампусе, сколько они прилагают для продвижения расового, сексуального и гендерного разнообразия; там, где продвигается DEI, если он вообще продвигается, политическое разнообразие должно продвигаться в той же степени;

— требование, чтобы университеты относились к политической дискриминации так же серьезно, как они относятся к расовой, сексуальной и гендерной дискриминации;

— обеспечение того, чтобы отдельные преподаватели сохраняли полный контроль и автономию над своими списками чтения курсов и не подчинялись нисходящим правилам университета, которые мешают их академической свободе;

— запрет на любые прямые отношения между политическими партиями и университетами, включая финансирование, стипендии и трудоустройство ученых и студентов;

— запрет на использование «заявления о разнообразии» при найме ученых и распределении исследовательских грантов;

— обеспечение того, чтобы все комиссии по отбору исследовательских грантов и комитеты по поиску академических и старших административных должностей были политически сбалансированными;

— вместо того чтобы все соискатели академических должностей размышляли о том, как их исследования и преподавание поддерживают DEI, следует размышлять о том, как их исследования и преподавание поддерживают свободу слова, свободу выражения и академическую свободу в кампусе [цит. по: Goodwin, 2025: 217—219].

Мэтт Гудвин полагает, что корни описываемого им кризиса академической жизни и плохого качества образования глубоко политические. Он утверждает, что за последние 60 лет, особенно с 1980—1990-х годов, университеты были охвачены политической революцией, которая трансформирует их в худшую сторону, отталкивает их от первоначального предназначения и подвергает целое поколение студентов ложному образованию, обрекая их на неудачи в будущем. Он связывает университетский кризис с «новой доминирующей идеологией» в кампусе, новой системой убеждений, новым мировоззрением, которое навязывается сверху вниз университетским преподавателям, студентам и администраторам и которое полностью пронизывает культуру академической жизни. Западные университеты, на его взгляд, сегодня строятся вокруг новой религиозной догмы, и большинство авторов, которых он находит интересными, придерживаются скорее правых, чем левых взглядов.

В последние годы книги и статьи таких ученых, как Фрэнсис Фукуяма [Fukuyama, 2022], Яша Мунк [Mounk, 2023], Джонатан Хайдт и Грег Лукьянов [Haidt, Lukianoff, 2018], Джон Маквортер [McWhorter, 2021], Эрик Кауфманн [Kaufmann, 2024], и многих других способствовали формированию мнения о том, что захватившие университеты настроения не просто отличаются от классического либерализма, но и принципиально противоречат ему. К примеру, Эрик Кауфманн определяет такую идеологию как нечто, полностью организованное вокруг «сакрализации расовых, сексуальных и гендерных меньшинств» [цит. по: Goodwin, 2025: 28]. Другими словами, это система убеждений, которая сосредоточена на основополагающем утверждении, что все расовые, сексуальные и гендерные меньшинства должны считаться священными и неприкосновенными и должны быть защищены от «эмоционального вреда».

В университетской среде эта нетерпимость нашла свое выражение в распространении «предупреждений о триггерах», «микроагрессии», «безопасных пространствах», предпочтительных гендерных местоимений, особенно резком росте с 2010 г. числа профессоров, подвергшихся разного рода санкциям вплоть до увольнения. Также среди студентов и профессоров университетов отмечается

повсеместное «самоцензурирование», когда приходится скрывать свои настоящие взгляды и опасаться того, что может случиться, если они выскажут их вслух. Это представляет собой радикальный разрыв с прошлым. Гудвин ссылается на Фрэнсиса Фукуяму, который в своей книге «Либерализм и недовольство» писал, что любое движение, которое ставит фиксированную групповую идентичность людей выше их индивидуальных прав, не должно иметь места в либерализме.

В отличие от настоящих либералов, которые ценят широкий спектр взглядов и мнений, разнообразие точек зрения, последователи новой академической идеологии регулярно клеймят или просто увольняют тех, кто осмеливается подвергать сомнению или оспаривать подобные убеждения. Они не проявляют серьезного интереса к таким вещам, как объективное знание, эмпирическое доказательство, строгие дебаты и разум, особенно когда те противоречат их догматам. Все это, по мнению Гудвина, также помогает объяснить ярко выраженный антизападный и антибелый этос «новой университетской идеологии». Постоянные нападки, критика, сомнения и пересмотр национальных героев, символов, истории, мифов и воспоминаний о группах западного большинства и, по сути, их переделка в символы или истории расистского позора представляют собой попытку подорвать позитивную идентичность (белой) группы большинства, принизив ее по сравнению с меньшинствами.

Вместо того чтобы расширять кругозор студентов, знакомить их с различными точками зрения, под огромным давлением новой идеологии и ее последователей, по мнению автора рецензируемой книги, университеты заставляют молчать людей, которые выражают другие взгляды, подавляя свободу слова во имя защиты меньшинств и студентов от «эмоционального вреда». Проблема, по сути, в том, что подобного рода радикализация избыточно политизирует высшее образование, наносит вред студентам, снижает стандарты, душит свободу слова и превращает лучшие мировые университеты в предвзятые учреждения, предоставляющие в конечном счете плохое образование.

Подводя итоги, заметим, что рецензируемая книга Мэтта Гудвина в целом носит неоднозначный характер. Сам автор подвергся остракизму и был вынужден уволиться из университета из-за поддержки голосования по выходу Великобритании из Евросоюза, поскольку неолиберальное большинство британских университетов было категорически против Брексита. Сразу же после выхода в свет книги Гудвина на нее появилось немало критических рецензий со стороны британского и американского университетского сообществ⁸. По мнению авторов негативных рецензий, так называемые образованные классы, которые критикует Гудвин, всегда придерживались более прогрессивных взглядов, чем широкая общественность. Обычно академическая среда раньше приходит к теоретическому одобрению новых либеральных идей (равенства полов, рас и сексуальности),

⁸ См, например: Anthony A. Bad Education by Matt Goodwin review — a Lapsed Liberal's War on 'Woke' Lecture. URL: <https://www.theguardian.com/books/2025/jan/20/bad-education-why-universities-are-broken-and-we-can-fix-them-by-matt-goodwin-review-a-rant-about-university-wokeism-disguised-as-a-book> (дата обращения: 10.05.2025); Freedman T. Review of the book «Bad Education. Why our universities are broken and how we can fix them?» by Matt Goodwin. URL: <https://schoolweek.co.uk/bad-education-why-our-universities-are-broken-and-how-we-can-fix-them/> (дата обращения: 8.12.2025); Segnit N. Business Class. Political Polarization and the Crisis of Higher Education. Book Review. URL: <https://www.the-tls.com/politics-society/social-cultural-studies/bad-education-matt-goodwin-the-secret-lecturer-anonymous-book-review-nat-segnit> (дата обращения: 08.12.2025).

которые со временем получают поддержку большинства в обществе. К примеру, в 1960-х годах многие правые считали университеты рассадниками радикализма, а студенческий активизм — синонимом экстремизма. Противостояние сегрегации в США и войне во Вьетнаме было обычным явлением как среди студентов, так и среди ученых. Тем не менее из этого не следует, что такие взгляды являются элитарными. Напротив, ретроспективно они стали рассматриваться как самоочевидные и фундаментальные для любого цивилизованного взгляда на мир⁹.

На наш взгляд, книга Мэтта Гудвина делает важный вклад в очень живую дискуссию. В ней представлена и подробно проанализирована мало известная в России «новая университетская идеология», давно бытующая в американских и британских университетах и состоящая из таких ключевых идей и практик, как «культура виктимности», «привилегии белых», антирасизм, деколонизация, приоритизация расовых, сексуальных и гендерных меньшинств.

Автор книги стоит на позициях классического либерализма, понимаемого как совокупность политических, экономических, моральных, философских взглядов, основанных на принципах свободы, индивидуализма и равенства. Однако с наступлением эпохи глобализации в университетской среде сформировался комплекс неолиберальных идей, постепенно приведших к расколу в представлениях, убеждениях университетских элит (администрации, профессоров и студентов) и основной массы населения в США и Великобритании. Университеты в этих странах стали похожи на закрытые учреждения, распространяющие «клубную культуру интеллектуалов», переходящую в конфронтацию с образом жизни и мышления подавляющего большинства населения. Гудвин настаивает на необходимости предоставления в университетских стенах возможности свободной полемики и циркуляции разнообразных идей, и прежде всего актуальных в масштабах всего общества. Он выступает против радикального активизма студентов и молодых преподавателей, а также политизации высшего образования в целом.

Ценность этой книги в том, что она требует изучения и академического анализа многочисленных вопросов, поставленных автором. Работа позволяет российскому читателю приоткрыть завесу внутренних процессов, имеющих место в западных университетах и в обществе в целом. Автор приводит примеры того, как «новая академическая идеология» и радикальный активизм в университетских кампусах способствуют искажениям в мышлении студентов и формируют не критическое восприятие многих происходящих в обществе процессов. Вместе с тем «новая идеология», описанная Гудвином, вызывает отторжение общества, существующего за границами академической среды. А это, в свою очередь, ведет к распространению популистских и даже праворадикальных идей и политических практик. Неслучайно Дональд Трамп, придя к власти в США на второй срок, подписан указ о запрете действия программы многообразия, равенства и инклюзивности (Diversity, Equality and Inclusion, DEI). Кроме того, требования американского правительства включили «аудит» университетских программ и факультетов, а также изменения в структуре управления, найма на работу и сокращение финанси-

⁹ Anthony A. Bad Education by Matt Goodwin review — a Lapsed Liberal's War on 'Woke' Lecture. URL: <https://www.theguardian.com/books/2025/jan/20/bad-education-why-universities-are-broken-and-we-can-fix-them-by-matt-goodwin-review-a-rant-about-university-wokeism-disguised-as-a-book> (дата обращения: 10.05.2025).

вания ведущих университетов. В связи с этим многие американские ученые задумались об отъезде из США, главным образом в Канаду и страны Европы.

Таким образом, можно констатировать, что наблюдаемый консервативный поворот в отношении регулирования высшего образования в США стал реакцией на сформировавшийся в последние десятилетия в университетской среде Запада радикальный левый активизм, многочисленные проявления которого описывает в своей книге Мэтт Гудвин.

Список литературы (References)

1. Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 8—24.
Berger P. (2004) Introduction. Cultural Dynamics of Globalization. In: P.L. Berger, S. P. Huntington (ed.) *Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World*. Moscow: Aspect Press. P. 8—24. (In Russ.)
2. Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 61—110.
Collins R. (2015) Middle Class Without Work: The Exits Are Closing. In: *Does Capitalism Have a Future?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House. P. 61—110. (In Russ.)
3. Eatwell R., Goodwin M. (2018) *National Populism. The Revolt Against Liberal Democracy*. London: Pelican Books.
4. Ford R., Goodwin M. (2014) *Revolt on the Right. Explaining Support for the Radical Right in Britain*. London: Routledge.
5. Fukuyama F. (2022) *Liberalism and Its Discontents*. New York, NY: Profile Books.
6. Goodwin M. (2025) *Bad Education. Why Our Universities Are Broken and How We Can Fix Them?* London: Transworld Publishes.
7. Goodwin M. (2023) *Values, Voice and Virtue: The New British Politics*. London: Penguin.
8. Haidt J., Lukianoff G. (2018) *The Coddling of the American Mind: How Good intentions and Bad Ideas are Setting up a Generation for Failure*. New York, NY: Penguin.
9. Kaufmann E. (2024) *Taboo: How Making Race Sacred Produced a Cultural Revolution*. London: Forum.
10. Kendi I. X. (2019) *How to be Antiracist*. London: One World.
11. McWhorter J. (2021) *Woke Racism: How a New Religion has Betrayed Black America*. New York, NY: Penguin.
12. Mounk Y. (2023) *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in our Time*. New York, NY: Penguin.